

Мокроусова Елена Александровна

ФЕНОМЕН СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ: ЛЕГИТИМАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ

В статье рассматривается феномен социальной памяти в контексте проблемы обеспечения легитимации социальных институтов. Автор подчёркивает диалектический характер взаимодействия индивида и общества, а также необходимость передачи социального опыта, что невозможно без наличия соответствующих социальных воспоминаний. Социальная память описывается через процессы переработки и усвоения прошлого, а также его последующего воспроизведения и закрепления в деятельности, необходимой для поддержания жизнеспособности социальных институтов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/12-3/29.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 12(74): в 3-х ч. Ч. 3. С. 110-113. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/12-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

унаследованного позитивистской наукой. Неклассическая эпистемология допускает множественность научных подходов, изменивших представление о феномене мышления, его культурно-исторической обусловленности, заимствованной впоследствии постнеклассической наукой.

Список литературы

1. **Арсеньева М. Г., Балашова С. П., Берков В. П., Соловьева Л. Н.** Введение в германскую филологию. Изд-е 5-е, испр. и доп. М.: ГИС, 2006. 318 с.
2. **Витгенштейн Л.** Логико-философский трактат / общ. ред. и предисл. В. Ф. Асмуса. М.: Наука, 1958. 133 с.
3. **Дильтей В.** Описательная психология / под ред. Г. Г. Шпета. Изд-е 2-е. СПб.: Алетейя, 1996. 156 с.
4. **Культурно-историческая эпистемология** [Электронный ресурс] / отв. ред.-сост. Н. С. Автономова, Т. Г. Щедрина. М.: Полит. энциклопедия, 2014. 599 с. URL: http://www.directmedia.ru/bookview_270684_kulturno_istoricheskaya_epistemologiya_problemy_i_perspektivy/ (дата обращения: 15.11.2016).
5. **Кун Т.** Структура научных революций. М.: Прогресс, 1975. 287 с.
6. **Лакофф Дж.** Женщины, огонь и опасные вещи: что категории языка говорят нам о мышлении / пер. с англ. И. Б. Шапуновского. М.: Языки славянской культуры, 2004. 792 с.
7. **Лекторский В. А.** Эпистемология классическая и неклассическая. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 256 с.
8. **Маслова В. А.** Когнитивная лингвистика: учебное пособие. Мн.: ТетраСистемс, 2004. 256 с.
9. **Познание, понимание, конструирование** / Рос. акад. наук; Ин-т философии; отв. ред. В. А. Лекторский. М.: ИФРАН, 2007. 167 с.
10. **Рикер П.** Конфликт интерпретации: очерки о герменевтике / пер. И. Сергеевой. М.: Academia-Центр; МЕДИУМ, 1995. 411 с.
11. **Степин В. С.** Теоретическое знание: структура, историческая эволюция. М.: Пресс-Традиция, 2000. 743 с.
12. **Хабермас Ю.** Моральное сознание и коммуникативное действие / под ред. Д. В. Складнева. СПб.: Наука, 2000. 380 с.
13. **Черникова И. В.** Междисциплинарные исследования в современной науке // Дефиниции культуры: сборник трудов участников всероссийского семинара молодых ученых. Томск, 2001. Вып. 5. С. 18-32.
14. **Этимологии, или Начала:** в 20-ти кн. СПб.: Евразия, 2006. Кн. 1-3. Семь свободных искусств / пер. Л. Харитоновой. 352 с.
15. **Янченко А. А.** Методологический потенциал эпистемологического конструктивизма для разработки теории искусственного интеллекта // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 1 (39): в 2-х ч. Ч. II. С. 210-215.

PROBLEM OF THINKING IN CLASSICAL AND NON-CLASSICAL THEORIES OF COGNITION

Men'shikova Anna Andreevna

*National Research Tomsk State University
menanna1366@yandex.ru*

The article is devoted to the analysis of the problem of thinking within the framework of classical and non-classical theories of cognition. The process of the genesis of the problem of thinking and its epistemological peculiarities is investigated. The author reveals the theoretical problematic of thinking in classical and non-classical theories of cognition. Relation of continuity of approaches to the problem of thinking is ascertained, which was not allowed in philosophy of science earlier. Specificity of the problem of thinking in the classical theory of cognition is connected with examination of the problem in the discourse of logical positivism in spite of multiplicity of approaches and qualification categories (including of linguistics) in the non-classical one.

Key words and phrases: classical epistemology; non-classical epistemology; theory of cognition; cognitive sciences; scientific discourse; linguistics; picture of the world; phenomenon of thinking.

УДК 101.1:316

Философские науки

В статье рассматривается феномен социальной памяти в контексте проблемы обеспечения легитимации социальных институтов. Автор подчёркивает диалектический характер взаимодействия индивида и общества, а также необходимость передачи социального опыта, что невозможно без наличия соответствующих социальных воспоминаний. Социальная память описывается через процессы переработки и усвоения прошлого, а также его последующего воспроизведения и закрепления в деятельности, необходимой для поддержания жизнеспособности социальных институтов.

Ключевые слова и фразы: социальная память; коллективная память; социальный институт; общество; легитимация; прошлое.

Мокроусова Елена Александровна

*Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
elena-mokrousova@rambler.ru*

ФЕНОМЕН СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ: ЛЕГИТИМАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ

Важнейшим открытием первой половины XX века, оказавшим значительное влияние на развитие современного философского и социально-гуманитарного знания, является открытие феномена коллективной памяти.

Впервые понятие коллективной памяти появляется в работах французского социолога М. Хальбвакса [8; 9]. В дальнейшем оно попадает в поле зрения социальной философии, истории, культурологии, антропологии и других социально-гуманитарных наук, в результате чего к концу XX столетия количество работ, посвящённых проблеме памяти, резко возрастает.

Признание надиндивидуальной природы памяти приводит к возникновению концепции социальной памяти, которая привлекает к себе пристальное внимание в философской и научной среде в связи с необходимостью анализа влияния социальных процессов на характер и содержание воспоминаний. Актуализация проблемы социальной памяти происходит на фоне обсуждения вопроса о том, кому принадлежит прошлое. Социальные группы постоянно создают свои образы мира и устанавливают свои версии исторических событий, которые транслируются на уровне социальной памяти. Каждое поколение людей претендует на то, чтобы сделать тот или иной фрагмент прошлого основанием своей идентичности, раз за разом меняя его значение и смысл. Неудивительно, что в последние два десятилетия в публичном общественно-политическом дискурсе начинают доминировать концепты исторической политики и политики памяти, субъектами которой выступают не только властные структуры, но и любые организованные сообщества, которые претендуют на присвоение прошлого и воспоминаний о нём. Феномен социальной памяти в данном контексте рассматривается как один из важнейших элементов развития общества, обеспечивающий непрерывность социального опыта и знаний, связанных с осмыслением прошлого. В данной работе мы остановимся только на одном аспекте влияния социальной памяти – её участии в становлении и развитии социальных институтов.

Как отмечает Э. Дюркгейм, незыблемое положение социальных институтов в обществе обеспечивается их особой силой принуждения и авторитетом, который индивиды «вследствие воспитания привыкли уважать и признавать» [5, с. 16]. Социальные институты оказываются переданы индивиду «в совершенно готовом виде» [Там же, с. 3], поскольку возникают задолго до его рождения и формируются посредством деятельности предшествующих поколений. Индивид изначально оказывается погружён в устоявшуюся социальную среду и не принимает, с точки зрения Э. Дюркгейма, участия в процессе её преобразования. Индивид встраивается в рамки заданного социального порядка, поэтому существование социальных институтов кажется ему необходимым и не может быть оспорено. Стоит отметить, что под социальным институтом Э. Дюркгейм понимает «все верования, все поведения, установленные группой» [Там же, с. 8], и в таком контексте система социальных институтов представляется как довлеющая над индивидом внешняя сила, которая посредством социального контроля и принуждения обеспечивает установление и закрепление «определённых способов действий и суждений, которые не зависят от каждой отдельно взятой воли» [Там же]. Индивиды вынуждены не просто учитывать существование социальных институтов, но и выстраивать своё поведение в соответствии с предъявляемыми к ним требованиями.

Точка зрения Э. Дюркгейма представляет собой односторонний подход к пониманию механизмов формирования и развития социальных институтов, поскольку не рассматривает деятельность индивидов в качестве творческого и активного начала. Понимание общества как механизма контроля и принуждения приводит к противопоставлению индивида и социальной среды и не позволяет увидеть диалектичный характер социального процесса. Общество не может пониматься только как «внешняя реальность, осуществляющая влияние и насилие над индивидом» [2, с. 53]. Постоянное развитие и становление общества происходит благодаря совместной деятельности людей и является результатом их взаимодействия. Социальные институты представляют собой «обособленные комплексы социальных действий» [Там же, с. 50], которые складываются в результате постоянного повторения определённых типизированных схем. Признавая очевидным тот факт, что в ходе своей жизни и деятельности индивид оказывается включён в устойчивую систему социальных связей и отношений, которая во многом определяет направление развития его личности, не стоит забывать о том, что процесс взаимодействия индивида и общества диалектичен по своей природе. С одной стороны, жизнь индивида, его образ мыслей и привычные стандарты поведения определяются социальной средой, которая существует ещё до его рождения, а с другой – социальные институты и любые социальные конструкты складываются в результате постоянной взаимной деятельности индивидов и существуют до тех пор, пока воспроизводятся на уровне их повседневных практик.

Как отмечают П. Бергер и Т. Лукман, источник возникновения социальных институтов кроется в механизме хабиутализации, который подразумевает, что «институт типизирует как индивидуальных деятелей, так и индивидуальные действия» [3, с. 39]. Наличие социальных институтов обеспечивает упорядоченность и структурированность социальной реальности. Именно в таком виде она предстаёт перед индивидом, который вынужден найти своё место в системе социальных отношений. При этом происходит постоянное проникновение социальной среды в сферу индивидуальных действий и мыслей. Существование индивидов «обусловлено спецификой социальных координат» [2, с. 82], которые задают и определяют направление его развития. Однако, как мы уже подчеркнули, социальный мир рождается из взаимной деятельности людей и поэтому не обладает особым «онтологическим статусом, независимым от человеческой деятельности, в процессе которой... создается» [3, с. 62]. Он является человеческим продуктом, на основании чего мы можем говорить о постоянном взаимном влиянии и взаимном воспроизводстве индивидов и социальной среды.

В структуре диалектического процесса взаимодействия общества и индивидов П. Бергер и Т. Лукман предлагают выделять три основных элемента – экстернализацию, объективацию и интернализацию. Посредством экстернализации индивид выражает себя в своей деятельности, транслируя тем самым определённые социальные установки и стандарты; затем продукты его деятельности объективируются и становятся

доступными для восприятия и усвоения другими индивидами, и на этой стадии происходит переход к интернализации, в результате чего усваиваются соответствующие образцы и схемы, которые изначально были заложены в деятельности индивидов. Устойчивость социального института, таким образом, зависит от того, насколько успешно пройдет процесс интернализации при передаче социального опыта от одного поколения к другому. Процесс развития социального института происходит во времени и обладает своей историчностью. Поэтому каждый раз, когда происходит смена поколений и возникает необходимость поддержания жизнеспособности социальных образований, социальный институт нуждается в легитимации. В данном случае большое значение для становления и развития социальных институтов играет социальная память.

Историчность социальных институтов подразумевает постоянное воспроизведение типизированных схем действий несколькими поколениями индивидов, которое поддерживается механизмом легитимации. «Легитимация говорит индивиду не только почему он должен совершать то или иное действие, но и то, почему вещи являются такими, каковы они есть» [Там же, с. 64]. Необходимость в легитимации социального института возникает тогда, когда схемы поддержания институционального порядка передаются новому поколению. «На этом этапе самоочевидный характер институтов больше не может поддерживаться благодаря нашей собственной индивидуальной памяти и хабиитуализации» [Там же]. На помощь приходит социальная память, которая расширяет горизонт воспоминаний и включает в него социально значимые сюжеты прошлого, которые выходят за рамки непосредственного опыта индивида.

Социальная память представляет собой уникальный феномен, который возникает в результате совместной жизни и деятельности людей и отражает способность индивидов сохранять и воспроизводить социально значимую информацию, обеспечивая при этом трансляцию социального опыта и социальных знаний. Наличие социальной памяти обеспечивает длительность и непрерывность развития социальных институтов, поскольку социальная память оправдывает и подкрепляет их существование соответствующими образами воспоминаний. Говоря о социальной памяти как механизме легитимации социальных институтов, мы подчеркиваем её длительность, преемственность, способность кристаллизации воспоминаний и их повторное воспроизведение следующими поколениями людей. Мы рассматриваем не последовательный набор «памятей», а феномен социальной памяти в его становлении и развитии. Мы можем проследить, как вместе с развитием самой группы трансформируется её социальная память, как одни сюжеты перетекают в другие, как преобразуется социальная память, стирая одни воспоминания и воспроизводя другие.

Неверно было бы считать, что социальная память представляет собой простой набор социально значимых сюжетов, направленных на легитимацию существующего социального порядка и отсылающих нас к событиям общей для всех членов общества истории. Этот набор социально значимых воспоминаний должен разделяться всеми членами общества и усваиваться точно так же, как происходит усвоение и принятие коллективных ценностей, практик и ритуалов. Социальная память представляет собой живое непосредственное переживание прошлого, которое актуализируется потребностями настоящего. В этом существенное отличие социальной памяти от социальных знаний. Социальное знание – это знание, которое было создано обществом, в котором сохраняется опыт, накопленный многими поколениями людей, в том числе и исторический опыт. Существуют знаковые для становления и развития общества исторические события, как, например, в России – Великая Отечественная война, Куликовская битва, Крещение Руси и т.д. Однако далеко не каждая из этих важных, значительных вех в истории жизни общества становится содержанием социальных воспоминаний. Социальное воспоминание от социального знания отличает именно момент переживания, когда тот или иной исторический сюжет находит отклик в сознании индивида, когда он переживается как значимый. Когда индивид находит в этом историческом сюжете точки соприкосновения со своей жизнью, тогда становится возможным социальное воспоминание.

Существование любого социального института – это процесс постоянного воспроизводства и развития, источником которого оказывается взаимодействие людей. Усвоение схем и механизмов социального поведения отнюдь не является простым копированием. В действиях и поступках человека каждый раз проявляется его индивидуальный характер и мировоззрение. Взаимодействия индивида и общества, таким образом, – это процесс взаимного обращения. Изначально индивид перенимает существующие вокруг него способы социального действия и мышления, а затем начинает воспроизводить их в своей повседневной жизни. За счёт этого происходит обновление социальной структуры общества, которая раз за разом воспроизводится и конструируется в деятельности людей. Этот процесс осуществляется в том числе и благодаря социальной памяти – она постоянно трансформируется и развивается вместе с развитием и изменением общества. Она транслирует социально значимые смыслы и сюжеты прошлого, однако не может быть представлена как жестко регламентированный свод правил.

Если обратиться к реалиям современного российского общества, то мы увидим, что проблема легитимации власти, которая возникла после распада Советского Союза, по-прежнему продолжает решаться при помощи соответствующих механизмов социальной памяти. Современная политическая власть не обладает ресурсами, которые позволили бы ей воспользоваться опробованными тактиками тоталитарных режимов и «выдвинуть свой идеологический... проект построения “нового” общества и... целенаправленного “формирования”... “нового человека”» [4]. Испытывая острую потребность в идейном самообосновании, государство вынуждено обращаться не к будущему, а к прошлому.

Современную политическую власть привлекает идея мощного, сильного и независимого государства. Она выступает продолжательницей громких военных побед, одержанных в разные исторические периоды.

Удивительное сочетание военной мощи, особой духовности и национального самосознания – вот те акценты, на которые работает политика памяти. «Наблюдая за ползучей реанимацией “советского”, ставшей бесспорным знаменем последнего десятилетия» [6], современная политическая власть до сих пор не пришла к однозначной интерпретации советского наследия. С одной стороны, она выступает преемницей его героического прошлого с его великими победами, военной мощью и силой, с другой стороны, она стремится абстрагироваться от советского тоталитаризма, бюрократии, дефицита и культурной изолированности. Великая Отечественная война является знаковым событием в истории Советского Союза, и, как отмечают многие исследователи, с каждым годом она приобретает все новое и новое звучание. В последнее время все чаще стала подниматься тема сталинских репрессий. Современная власть пристально следит за тем, как будут истолкованы события этого периода, о чем свидетельствует создание комиссии по противодействию фальсификации истории и обсуждение соответствующего законопроекта, предполагающего уголовную ответственность за попытку умышленной фальсификации истории, который так и не был принят. Сказать с уверенностью, какова цель подобных мер, невозможно. Либо это попытка устранить неточности и ошибки в толковании истории при помощи деятельности профессиональных историков, всестороннего анализа событий и синтеза разных подходов и мнений. Либо это своего рода цензура, отбраковывающая факты на основании не их достоверности, а их соответствия политической линии власти.

Смена поколений, происходящая в наши дни в России, вынуждает политиков прилагать все больше усилий для того, чтобы тот вариант государственной институализации общества, который создавался с момента распада Советского Союза, был легитимирован и передан новому поколению. С другой стороны, это открывает большие возможности для конструирования воспоминаний у поколения, не имеющего советского опыта. Современное государство проявляет «склонность к взгляду на прошлое с назидательной точки зрения», оно освещает ошибки прошлого, такие как политические репрессии, цензура, продовольственный дефицит и т.д. Постоянная переработка прошлого, которая сопровождает этот процесс и осуществляется на уровне социальной памяти, позволяет оживить те или иные фрагменты прошлого и включить их в актуальные для человека явления. Способность социальной памяти оседать в тех или иных внешних носителях – произведениях культуры, местах памяти, текстах и устных рассказах – позволяет ей транслироваться и передаваться от одного поколения людей к другому. Социальная память является существенным элементом самосознания и мировоззрения социальных групп и обществ и открывает широкие возможности для понимания многих современных процессов и явлений.

Мы рассматриваем феномен социальной памяти в его становлении и развитии. Мы можем проследить, как вместе с развитием самой группы трансформируется её социальная память, как одни сюжеты перетекают в другие, как преобразуется социальная память, стирая одни воспоминания и воспроизводя другие. Элемент преемственности является одним из ключевых в феномене социальной памяти. Социальная память обеспечивает необходимое историческое основание социальных институтов за счёт постоянного воспроизведения знаковых для становления и развития общества сюжетов. Она является важнейшим элементом легитимации социальных институтов, поскольку позволяет транслировать соответствующий социальный опыт от одного поколения к другому. В социальной памяти каждый раз оживают те или иные социальные практики и установки, которые обеспечивают временную протяжённость и непрерывность социального процесса.

Список литературы

1. **Ассман А.** Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
2. **Бергер П.** Приглашение в социологию. М.: Аспект-Пресс, 1996. 91 с.
3. **Бергер П., Лукман Т.** Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
4. **Гудков Л. Д.** Условия воспроизводства «советского» человека [Электронный ресурс] // Вестник общественного мнения. 2009. № 2 (100). URL: <http://polit.ru/article/2009/11/10/sovhuman/> (дата обращения: 16.11.2016).
5. **Дюркгейм Э.** Что такое социальный факт. М.: Канон, 1995. 352 с.
6. **Захаров А. А.** «Советское – значит отличное»: Российская Федерация как опыт подражания [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2009. № 3 (65). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2009/3/za18.html> (дата обращения: 16.11.2016).
7. **Копосов Н.** Память строгого режима: история и политика в России. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 320 с.
8. **Хальбвакс М.** Коллективная и историческая память [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2005. № 2-3 (40-41). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html> (дата обращения: 16.11.2016).
9. **Хальбвакс М.** Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.

PHENOMENON OF SOCIAL MEMORY: LEGITIMATION OF SOCIAL INSTITUTIONS

Mokrousova Elena Aleksandrovna

*Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
elena-mokrousova@rambler.ru*

The article considers the phenomenon of social memory in the context of the problem of ensuring social institutions legitimation. The author emphasizes dialectical nature of interaction between the individual and the society, as well as the need for transfer of social experience, which is impossible without availability of relevant social recollections. Social memory is described via the processes of treatment and adoption of the past, and also its later reproduction and consolidation in activity necessary to maintain social institutions viability.

Key words and phrases: social memory; collective memory; social institute; society; legitimation; the past.